

ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЛИЧНОСТИ И ПОКОЛЕНИЯ

Слушатели «Православного радио», многочисленные ученики Нины Павловны – а преподает она на различных курсах в Петербургской Консерватории, в подмосковной гимназии в Плесково – попросили расспросить своего любимого преподавателя о ее личной судьбе, о том, как к ней пришло настоящее увлечение наукой.

Когда я задала этот вопрос Нине Павловне в радиоэфире, она поначалу очень смутилась, сказала, что «она человек маленький», но потом все-таки начала рассказывать, – и рассказ ее оказался не просто историей одного человека, а рассказом о судьбе русских людей в трагическом XX столетии.

*Опубликовано 18.11.2004 в Интернет-журнале
Сретенского монастыря (<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/041118120458>)*

*вместе с сокращенной версией интервью
на «Православном радио Санкт-Петербурга».
Ниже приводится более полная версия интервью.*

СЕМЬЯ. ДЕТСТВО

Я закончила школу в городе Южно-Сахалинске в 1954 году. Я тогда не понимала радости своего отца, который сказал, что я смогу поступить в вуз, потому что я, конечно же, считала своего отца самым лучшим и самым честным и правдивым человеком в мире, но отец был репрессирован и в 1953 году реабилитирован. Репрессирован он был уже после Великой Отечественной войны. Мы попали в Южно-Сахалинск (тогда он еще назывался Тойохара [с 1905 по 1945 гг. – *Прим. ред.*]) таким образом: первым – отец, потому что он его и освобождал, и, в общем-то, он первым вошел в Тойохару. Он был военный переводчик, японист, и служил сначала в штабе в сорок третьем году на пятидесятой параллели на Сахалине. Этот штаб был основан в школе, в которой я потом работала учительницей по окончании института. И там еще местные

жители помнили, как молоденький офицер ослеп – это был мой отец. Он от авитаминоза упал с длинных мостков, поскольку там одни из самых длинных

**Родители Нины Павловны –
Вера Сергеевна и Павел Никитович**

приливов и отливов в мире и всегда есть такая большая океанская лужа среди поселка.

У нас большая семья, и у нас было бы гораздо больше детей, если бы не все эти неблагоприятные обстоятельства, в которые попала наша семья, потому что и на Сахалине мы попали в тяжкие обстоятельства, да и вообще. Вы же сами знаете историю, когда рушили деревню. Мы вынуждены были уехать в город. Мама моя – Вера, и она собиралась, чтобы помимо Веры были Надежда, Любовь, София – всех хотела бы иметь. Нас четверо

детей, и всех нас как-то отец учил. У нас в семье есть сестра-филолог [Читаева Валентина Павловна. – *Прим. ред.*], братья с высшим образованием, все честно работают, и до сих пор еще некоторые не пенсионеры. Я старшая.

Семья наша была верующая, но только об этом не говорилось. Мы с бабушкой вместе молились в деревне в Рязанской области, пока родители были на фронте. У нас божница была обязательно, ее никакими силами никакие коммунисты и большевики устранить не могли. Конечно, всех внуков бабушка крестила, мы и молитвы знали с детства, но каким-то образом понимали (ведь дети очень чуткие), что громко говорить об этом нельзя. И родители были истинные христиане по своему исповеданию. Отец умер скоропостижно и довольно рано, а мама умерла в 1986 году, буквально не дождавшись три года, как открылся на Сахалине приход Ксении Блаженной. Но умерла она при свечке, при лампадке, при молитве. Правда, отпевать ее пришлось заочно

в Москве, поскольку еще не было у нас на Сахалине церкви. Когда мы в начале восьмидесятых годов чудом достали молитвенник, она его переписывала от

Нина Павловна с отцом, братом и сестрой Валентиной

руки, и сами мы потом переписывали.

Надо сказать, что мне помог полюбить язык еще мой школьный преподаватель, который в четвертом классе на Сахалине, в японском здании (потому что наши школы располагались в японских зданиях — бывших гимназиях), раз-

бирал с нами «Марксизм и вопросы языкознания» Сталина — вот такую великую идеологическую работу. И организовал лингвистический кружок — четвертый класс! Казалось бы, что там можно было понять, но он очень любил язык, и ведь действительно у нас наша словесность хорошо преподавалась в школах, потому что здесь были классические традиции, русские классические традиции. Хотя мы не могли прямо говорить о Боге, но традиции сохранялись.

ИНСТИТУТ

В 1954 году я поехала учиться в Москву, и поступила я в Московский областной педагогический институт, который сейчас называется университетом. Состав преподавателей был очень сильный, потому что по совместительству все работали, кто в МГУ, кто в МГПИ. И, конечно, мне с моими наставниками очень повезло.

У нас в высшей школе есть такой предмет (он и по сей день есть), называется он «старославянский язык». Это очень урезанный церковнославянский язык. Слово «церковный», конечно, исключено из него, хотя его называли древнецерковнославянским до переворота 1917-го года.

Боясь Церкви, этот термин исключили и оставили старославянский, изучали его очень узко, схематично, как введение в славянское языкознание, какие-то скучные переходы праславянских гласных и согласных, которые надо было только вызубрить, и даже студенты-филологи обычно шутили: так же, как студенты технических вузов говорили «Сдал сопромат – женись», у нас была

такая поговорка: «Сдал старославянский – можно выходить замуж».

А я тогда увлеклась диалектами. Пришли как-то на кафедру к нам Сергей Иванович Катков и Сергей Михайлович Кардашевский, все они теперь покойные, наши руководители, и сказали, что в архивах лежит очень много интересных всяких языковых материалов, да и вся наша диалектная территория тоже содержит драгоценные жемчужины нашего русского словесного творчества. И мы начали ездить в диалектологические экспедиции. Мне удалось объездить весь Север, и я только теперь понимаю, что меня водили наши

святые: Ферапонтово, Мякса, где теперь отец Геннадий. Я каждый раз, когда слышу его передачи, думаю: «Ну, надо же, а я там студенткой была!» Ничем не примечательное, казалось бы, село, а это как раз то место, где лежит затопленный край, неподалеку от Леушинского монастыря. И в других замечательных Вологодских местах довелось побывать, где Николай Рубцов родился, которые он в стихотворении про свою школу описывает: «Сяду вороной веселою... Речка моя безымянная будет бежать и бежать». Видели мы эти разрушенные все храмы, видели мы эту русскую красоту, и слышали мы эту русскую речь, и видели мы русский характер, сохраняющийся несмотря ни на что, особенно на Севере.

Два раза в год мы исправно ездили на диалектологическую практику от Института русского языка, даже сами водили с младшекурсниками экспедиции

по самым разным местам, причем нас в Институте русского языка посылали в самые трудные точки, потому что у нас был такой энтузиазм, такое горение какое-то, что мы могли и по бездорожью пройти какое-то количество километров, и медведей встречали. В общем, это было знакомство с нашей самой настоящей, исконной Русью, это не могло, конечно, не наложить своего отпечатка на нашу судьбу, потому что все мы полюбили Родину, увидели ее красоту, ее многообразие и многообразие ее речи.

АСПИРАНТУРА

Я была рекомендована в аспирантуру по диалектологии. Тема моей диссертации была утверждена как «Русские говоры Камчатки», которыми никто еще не занимался. И вот я отправилась к огнедышащим вулканам, ездила

туда и со студентами много раз. Теперь и Камчатку я тоже очень хорошо себе представляю, поэтому один из самых моих любимых святых – Иннокентий Московский, просветитель, миссионер Камчатки, он был епископом Камчатским, он же был апостолом Америки. У нас, кстати, сейчас есть в Южно-Сахалинске храм во имя святителя Иннокентия и монастырь на Камчатке.

Мы познакомились с чудными ительменами, коряками, детьми природы, мы видели ласковую руку царского русского правительства, которое не принуждало ни один народ к насильственному крещению. Например, коряки не захотели принять крещение, они так и остались язычниками со своими шаманами. А ительмены, или камчадалы, как их называют, приняли крещение, у них русские фамилии, они в значительной мере приняли и русскую культуру, сохранив детскость души.

Еще я должна сказать о своих учителях, которые меня учили в аспирантуре, и о тех, кто участвовал в научном студенческом обществе, учился в аспирантуре. Мы ходили к Виктору Владимировичу Виноградову, это был великий ученый. Мы ходили в Институт русского языка, не только в сектор диалектологии, но и в другие: истории языка, лингвистического источниковедения. Моим руководителем был профессор Московского университета, один из ведущих ученых, который первым написал в советское время учебник исторической грамматики – Павел Яковлевич Черных. Я понимаю теперь, что все они были верующими, что они, видимо, внутренне молились, и все их поведение было христианским, и любовь к слову была не формальной.

Очень много потом появилось формальных, конъюнктурных учений, особенно в общем языкознании, в теории языкознания. Как писал ученый Звегинцев, мы стали нескромно относиться к языку, мы стали его изучать механическими, формальными методами и сегментировать по всякому, просвечивать, как рентгеновскими лучами, разрывая живую ткань и плоть языка. Я помню, как одна из наших сокурсниц стала одной из первых писать диссертацию по структурной лингвистике. Я еще ее спросила объяснить мне, что же это за структурная лингвистика, а она свысока так сказала: «Тебе не понять, это очень сложно». Хорошо, что нас все-таки приучили не к этой безжизненной методологии, а к живой плоти русского языка и в истории, и в бытовании его в большом количестве диалектов.

А поскольку в вузовском образовании объединены три предмета – диалектология, история русского языка и старославянский язык – в один цикл истории языка, то, конечно, мне помимо диалектологии пришлось сразу же разрабатывать и преподавать курсы старославянского и исторической грамматики. Здесь очень помогли говоры, потому что многое, что в церковнославянском непонятно, до сих пор сохранилось в говорах, например, сохранилось значение слов. Русский язык облагодатствован церковнославянским, да и исконные многие значения изначально были христианскими. Федор Иванович Буслаев еще в середине XIX века писал в своей диссертации, что славяне как сосуд духа

были подготовлены к принятию крещения. Многие слова были чистыми, ясными и простыми по смыслу, без всякого лукавства. *Прѣстая чадѣ* – так славяне и называются в Житии Кирилла и Мефодия. *Прѣстая* значит ясная, прямая, нелукавая, неискривленная, неискаженная.

РАБОТА НА САХАЛИНЕ

После аспирантуры я вернулась в свой родной город Южно-Сахалинск и 30 лет преподавала там в Педагогическом институте.

Происходили удивительные вещи. Мне, конечно, хотелось более живо

преподавать предмет, вырваться, выйти за рамки скучного преподавания мертвого языка – ведь мы вынуждены были говорить на первой лекции, что старославянский мертвый, на нем никто не говорит, но признавали, конечно, что язык этот – богослужебный. Приходилось искать какие-то каналы. Тексты были в хрестоматиях поданы так, что христианское содержание из них было выхолощено. Например, притча о злых виноградарях, которая не в бровь, а в глаз обличает фарисеев, готовившихся распять Господа Иисуса Христа, была там подана

просто как притча «о винограде». О земном винограде. Якобы просто некие злодеи вот так нехорошо поступили с человеком, устроившим виноградник, отобрали виноградник и сына его убили. Мы не понимали этой морали, ее просто не было в этих книгах. Да и многие другие. А студенты требовали: «Объясните, что мы читаем в текстах. Объясните!» Как ученики в Евангелии требовали: «Расскажите нам притчу о сеятеле!» Мы тоже пытались где-то найти какие-то материалы, но что же нам подсовывала идеология? – Лео Таксиль, «Забавная Библия» или Косидовский! Хотя какая-то информация там

была, но всю сущность они, конечно, искажали, так что приходилось потом каяться, да и до сих пор я еще продолжаю в этом каяться.

Но несмотря на то, что евангельский текст был так ужасным образом обрезан, мы заметили очень интересное его воздействие на нас. У нас в столовой был один холодный отсек, мерзлый. И это было единственное место, где можно было собраться, потому что весь институт был переполнен, все аудитории заняты, а студенты требовали: «Давайте почитаем эти тексты». Мы читали эти тексты и не замечали холода, причем устанавливалась удивительная тишина. Мы ничего не понимали, понимали только, что с нами что-то происходит. В храм же ходить было невозможно. Сахалинская область была одной из сугубо атеистических областей. Мы только по книге Чехова «Остров Сахалин» знали, что на Сахалине было несколько храмов, когда там была каторга.

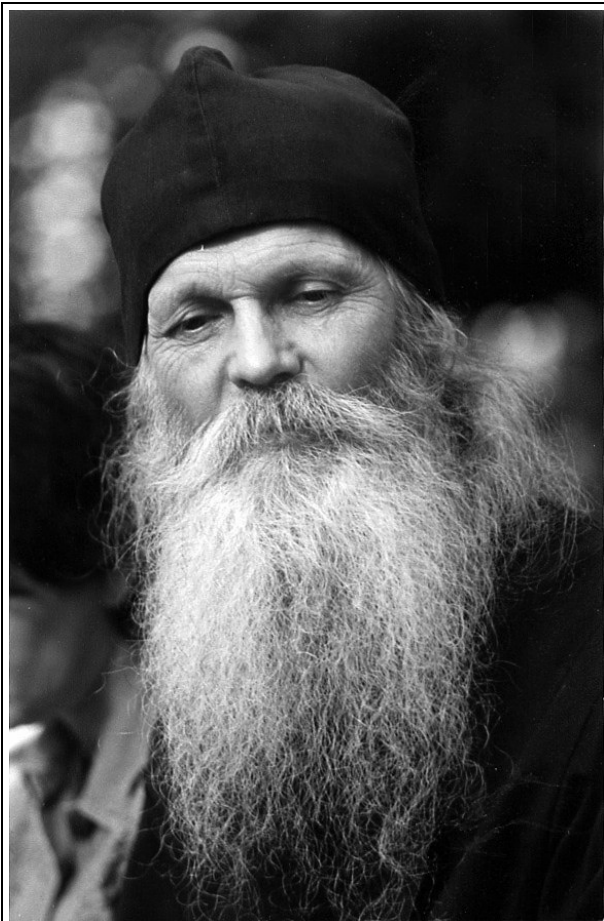

В. А. Мамонтов, И. М. Васильев, Н. П. Саблина, <?>, 1974 год

А затем стали с нами происходить, Божиим промыслом, конечно, и очень сильные духовные действия и движения.

Архимандрит Виктор, родом дальневосточник, который просто был тогда Виктор Арамович Мамонтов и учился в Ленинском пединституте, защитил

диссертацию по Максимилиану Волошину и очень много ездил в Коктебель. Как известно, Максимилиан Волошин был человек верующий, и там жива была память и о Марине Цветаевой, туда ездила Анастасия Цветаева, которая и Пюхтицком монастыре подолгу жила. И вот, как говорила с досадой наша

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

секретарь партбюро, «эти бабки его и свели с правильного пути». А он ведь и был из семьи православных, у него мать и отец были венчаны (чудо-то какое и радость!), и детей было очень много в семье. И он, Виктор Арамович Мамонтов, преподавал литературу у нас в институте.

Мы были коллеги, мы были очень еще молодые тогда, нам и по тридцать лет не было. Так получилось, что очень долго ни он не женился, ни я не выходила замуж, и мы часто ходили за руку, как брат и сестра. У нас никогда не было романа, для всех это было загадкой. Он рассказывал о Пюхтицком

монастыре, потому что он стал туда потихоньку ездить. И вот мы с ним стали шептаться. А еще к этому шептанию нас побудило то, что в 1968 году произошли небезызвестные чешские события, и очень многих преподавателей, талантливых, умных подвергли гонениям. У нас в основном институт состоял из московско-ленинградских преподавателей, приезжавших из аспирантуры преподавать, и из местных комсомольско-партийных кадров, которые жить нам совершенно не давали, они всегда были наши начальники, они всегда нас очень гоняли, бесконечно пытались уволить. Сейчас мне муж говорит: «Сколько лет помню, столько раз я тебя на работу провожал, как в последний раз». Он и тогда говорил: «Ничего, как-нибудь проживем». Потому что мы постоянно

были на грани того, что нас не изберут по конкурсу, как-то нас не любили. Может быть, терпели потому, что мы все-таки очень хорошо, искренне и честно работали со студентами.

Но вот 1968 год. У нас разгромили буквально все пединститутские лучшие кадры. Тогда громили по всей стране, но наш институт сделали показательным, потому что один из наших преподавателей был другом сына Якира. И КГБ занимался этим вопросом очень серьезно. Мы после этого с Виктором Арамовичем, как листочки осенние, носились по институту с одной кафедры на другую, нагрузку нам делали самую последнюю, полностью закрыли карьерное продвижение. Но мы всё равно радовались жизни, потому что мы любили студентов и главное, что мы с ними работали. И вот в это-то время мы стали ездить в Москву не просто в свои научные командировки, а и в храмы.

Первым Виктор Арамович стал монахом Виктором, в 1980 году. Он тогда служил в Успенском Киево-Печерском монастыре, потом переехал в Прибалтику, теперь он архимандрит. Он стал моим первым духовным отцом. Но первое причащение после долгих-долгих лет перерыва, еще в конце семидесятых, я приняла у дорогого и любимого всех Россией батюшки – отца Александра Шаргунова, потому что он и отец Виктор – друзья. Они привели и подготовили меня к причастию, и я первый раз причастилась. С тех пор началась тайная, церковная жизнь. Потому что, конечно, нельзя было иметь ни иконы, ни молитвословы.

ПАРТБЮРО

Помню, был такой случай... Я бы не хотела на нем подробно останавливаться, но все-таки этот случай произошел, когда устроили судилище, в институте. Я уже к этому времени закончила докторскую диссертацию, у меня уже была в печати монография, большое количество публикаций, все рекомендации были. Это был 1985 год. Одной рукой мне партийное бюро дало «ветерана труда», а второй рукой выставило на общее собрание. Причем интересно, что, мне еще до того, когда был обыск в квартире, муж всё говорил: «Убери иконы, убери иконы». Я их спрятала в так называемый закуток.

Осталось висеть только глиняное Распятие, которое, кстати, послужило криминалом, хотя это Распятие было католическое – просто его мне привезли как сувенир с юга, полагая, что уместно мне его будет подарить в связи с преподаванием старославянского языка – все-таки о Христе мы как-то там

говорили. И надо сказать, что Господь ослепил очи проверяющих, тех, кто делал обыск, и они не заметили икон.

Все было сделано по доносу. Доносили все на всех – это было такое время. Мы, институтские преподаватели, поскольку это идеология, были особенно проветриваемы, прослушиваемы и просматриваемы. Что говорить теперь о тех, кто донес! На собрании мне сказали, что «это у вас какая-то спекуляция с Мамонтовым», помянули и его недобрым словом. Сказали, что «вера в Бога не-

совместима с работой в вузе». Слава Богу, я коммунисткой не была, а комсомолкой, конечно, была, и секретарь партбюро сказала: «кого вы обманывали – Бога или комсомол?» Мне пришлось отвечать на все эти вопросы...

Меня уволили из института и лишили специальности, профессии и диплома – всего. Ровно год с 1985 по 1986 я работала вахтером в местном архиве.

Но не без милости Господь, потому что те клеветнические обвинения, которые состряпала прокуратура, были с меня сняты, и сняты Божиим чудом, потому что это произошло в светлые дни Пасхи. Все было восстановлено. Для прикрытия это был апрель, почти день рождения того, который у нас на Красной площади смердит. Но, во всяком случае, я-то знала: это Светлая Пасхальная Седмица, это Господь меня снова вывел на педагогическое служение.

«С ЭТОГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ...»

Я вернулась в тот же институт, но работать в нем было очень неинтересно и трудно, и вот звонит мне сестра архимандрита Виктора Ольга (теперь она уже покойная – Царствие ей Небесное) и говорит: «Нина, если ты пойдешь прямо на корейскую столовую, перед ней налево перед речкой завернешь, а потом еще раз в первом переулке налево, то ты увидишь домик, и это приход Ксении Блаженной». Открылся приход! А мне до этого архимандрит Виктор написал: «На Сахалине откроется четыре прихода, Он (с большой буквы) так хочет». Я уже готова была, я ждала. До этого ведь за одиннадцать тысяч километров приходилось ехать, лететь в храм, в церковь, потому что в последнее время такая уже стала возникать ревность, что первым делом я ехала в церковь, а уж потом к сестре, к брату, к своим родственникам.

И я, как Людмила Турищева, за которой, если помните, в 1975 году развалились гимнастические брусья после соскока, но она стояла, не обращая внимания, что все рушится, – я так же пошла в этот приход. [Ср.: *никѣѡ ѡзлѡжѣ рѣкѣ своѣ на рѣло ѡ зрѣ испѣть, ѡуправленѣ ѣсть въ цѣтвѣи бѣжѣи* (Лк. 9: 62). – *Прим. ред.*]

Приход был в небольшом домике корейца, которому дали квартиру. Матушки очистили все лопухи, сделали храм, нашлись сразу две певчие, они уже пели все гласы, и батюшка настоящий в настоящих ризах служил. Много ли народу в домике поместится! Но все было, Христос был, и чувствовалось, что Господь везде равновелик. Это была такая радость! Больше мне ничего не надо было. Я уже совершенно не заботилась, буду я работать в этом институте или не буду я работать в этом институте. К декабрю я приехала после командировки, уволилась «по окончании трудового договора», и с папочкой, на которой было написано «Церковнославянский язык», пришла в храм к отцу Ионафану, который теперь епископ Абаканский и Кызылский. Пришла к нему и говорю: «Нельзя ли открыть школу и преподавать церковнославянский язык?»

И сразу все закрутилось, сразу у нас воскресная школа появилась, и детки пришли, и взрослые пришли. Тут-то я стала заниматься церковнославянским

языком. А летом к нам приехали (это было тоже замечательное чудо!) теперь уже покойные владыка Питирим (Нечаев) с архимандритом Иннокентием (Просвирниным) и всех нас с хором своим причащали на стадионе в день Преображения Господня, в Яблочный Спас. Весь стадион был заполнен людьми, которые просто смотрели. Было почти не видно, как горят свечи, потому что солнце было очень яркое, они плавились, и мы, православные, на глазах всего стадиона, в середине этого поля, где футболисты бегают, стояли, исповедовались, причащались. Еще тогда батюшка Иннокентий (Просвирнин) завещал мне такую молитву. Он говорит: «Ты знаешь как говори? Не просто говори “Господи, помилуй мя грешную”, а вот так: “Господи, помилуй нас,” – и показал на всех людей, которые на стадионе сидят, – помилуй нас грешных». И вот с этого все началось.

ПЕТЕРБУРГ

В 1992 году по семейным обстоятельствам я стала переезжать в Санкт-Петербург, тогда еще – Ленинград. Тут у нас закрутились братства, закрутилось катехизаторское училище по благословению митрополита Иоанна. Я зимой жила в Питере, а летом ездила на Сахалин. В последний раз я уехала с Сахалина в 1997 году. Восемь лет я была и там, и там, и в Южно-Сахалинске все годы пела на клиросе. И благословение митрополита Иоанна, которое он дал всем на просвещение, до сих пор такое теплое, живое – и такое ощущение, что мы движемся под его благословением.

Как человек, занимающийся научными исследованиями, я, конечно, пришла и к Владимиру Викторовичу Колесову, с которым мы были давно уже знакомы, еще студенты наши к нему приезжали на научные конференции, у нас были творческие связи. Он замечательный, очень обаятельный человек. Я ему принесла выстраданную работу на трех страницах под названием «Православие как мировоззренческая основа научного исследования», потому что я тогда поняла, почему я не защитила докторскую, над которой сидела тринадцать лет. Она была посвящена влиянию западноевропейских языков на русский научный стиль.

И, конечно, я немножко эту Европу перехвалила. Господь этого лукавства не допустил, хотя это, казалось бы, было честное научное исследование.

Теперь-то эта проблематика сформулирована в самых разных аспектах. Есаулов, например, как литературовед говорит о пасхальном архетипе русской культуры, о соборном характере русской литературы. А тогда я свою выстраданную работу «Православие как мировоззренческая основа...» принесла Колесову. И Виктор Владимирович говорит: «Как дошли Вы до жизни такой?»

И, как в свое время нас старославянский язык, конечно, я думаю, не без влияния молитвы бабушки, всего нашего православного рода, не без молитв новомучеников, привел к православию – так же точно Владимир Викторович, тоже стал читать философию русского слова, и когда он читал этот предмет, то само слово сказало ему, что оно – логос, что оно священо. И он уже вскорости возглавлял конференцию по церковнославянскому языку в Феодоровском соборе, еще тогда разгромленном так, что все кирпичи были наружу. И он даже с покаянием говорил: «Ой, я грешник большой». Мы говорим: «У Господа мы все грешники, а покаянием все снимается». У него у самого был такой радостный и творческий подъем и какое-то обновление, так что в процессе разработки этого курса он иногда во время лекций останавливался и смотрел на нас. А у нас была небольшая галёлочка, где сидело несколько православных, и мы кивали ему: «Да, так, так, Владимир Викторович! У нас это в православном храме каждая бабка знает». Потому что ведь у нас действительно глубоко догматичная литургия и простота нашего русского слова – евангельская.

И Господь мне дал такую радость, после которой никакие бедствия земные, никакие обстоятельства, нехватки материальные не могут сравниться с тем удивительным воздаянием за то, что ты пришел к настоящему, подлинному слову. Беспокоит только то, что не все понимают.

«НУЖНО НОВЫЕ УЧЕБНИКИ ПИСАТЬ...»

К тому времени у меня уже долго копилась папка с набросками для учебника. На написание учебника меня благословил отец Иннокентий

(Просвирнин), еще на Сахалине. Он так сказал: «Только не выдумывай ничего своего. Всѣ уже до тебя сказали. Ты внимательно прочитай старые учебники». Я два года только читала старые учебники. Очень много, все, которые вышли в прежнее время. Но они не могут подойти, потому что люди очень изменились, изменилось сознание. Мы не можем воспринимать. Например, ребенок раньше знал церковные тексты, знал литургию наизусть. Есть свидетельство, что наши офицеры в плену выстраивались и пели всю литургию, потому что они еще помнили все эти тексты. С теперешним же ребенком приходилось сначала учить «Отче наш». А ведь раньше Сергей Александрович Рачинский детей за неделю научал чтению, потому что они сразу, читая «Отче наш», знакомую им молитву, соединяли зрительный образ буквы с текстом, и очень быстро, а потом они так же быстро учились и писать. Потому что печатная буква церковного слова гораздо легче усваивается, чем буква прописная, которой нас учат на каллиграфии, начиная обучать светскому языку.

Так и получается, что нужно новые учебники писать, причем основываться нужно обязательно на том опыте, который имеет современный человек (я не имею в виду только ребенка) – на русской классической литературе. Потому что русская классическая литература в значительной мере сохраняет те церковные смыслы, те церковные формы, которые в советских текстах уже утрачены. Советские тексты очень простые, очень примитивные, часто клишированные, схематичные. Даже в диалектологии, когда мы брали старые учебники, мы видели там русские сказки, всевозможные песни. А тексты, записанные в учебниках советского периода – «прилетел немец, бомбил нас, все равно мы потом пошли в колхоз» – простые, уже собственно просторечные. Это то, что сейчас насаждается и чему противостоит церковнославянский язык.

ОБЩЕСТВО РЕВНИТЕЛЕЙ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА

В этом плане мне очень дорога позиция многих членов нашего Общества ревнителей церковнославянского языка. Общество наше – всероссийское, но в основном оно базируется в Москве при Отделе катехизации Московской

Патриархии. Начали мы его буквально с ничего. Вот подлинно *ѿла бѣѣа въз нѣмоци ѿвершѣтсѧ* (2 Кор. 12: 9). Руководитель нашего Общества ревнителей – Владимир Константинович Журавлев, замечательный человек. Он всегда очень образно выражается, говорит: «Ах, как у меня испорчен паспорт! Мне уже 80 лет!» И действительно, у него и шейка бедра сломана, и хрусталики из глаз выпадают (они у него там нескладно как-то сидят), и сил уже никаких нет, но именно он поставил нас на правильные рельсы. Он разработал первое учение о новой методике, чтобы мы учитывали изменившуюся социалему, изменившегося человека. Учение о том, что церковный язык – это не только тексты, но это школа и люди, которые должны воспроизводить тексты через школу. Тексты остались, а остальные две части рухнули, и нам надо их восстанавливать.

Мне дорога позиция Мироновой Татьяны Леонидовны, которая говорит, что мы, создатели учебников церковнославянского языка, – мы сами его гонители, потому что мы его описываем как скучные схемы мертвого языка. Кстати, этим отличился журнал «Литературная учеба». Они сразу нам преподнесли учебник, да еще потом статью Винке, совершенно безграмотную, которая, конечно, либеральствующих интеллигентов немножко увлекла, но на самом деле она пустая и даже, так скажем, еретическая. А вот Татьяна Леонидовна, да и все мы занимаемся тем, чтобы создавать живые пособия, живые учебники. Чтобы показать, что мы выросли, что церковнославянский язык – это высший стиль. Надо сказать, что многие ученые, такие как Владимир Викторович Колесов, затем московские ученые, такие как Игорь Георгиевич Добродомов, может быть, еще до конца не воцерковились, но тоже в значительной мере перестроили свою теоретическую деятельность навстречу церковнославянскому языку. У Владимира Викторовича есть очень серьезные работы о том, что церковный язык – это язык высокого слога, что мы потеряли высокий слог, отказавшись от церковного языка (мы, конечно, не добровольно отказались, нам его выбросили). Соответственно, средний слог стал высоким, а в литературный язык проникли снизу, образно говоря, муть и мат. Все нелитературное пришло в литературный язык, и планка сильно понизилась.

И самое главное, и мы понимаем, и Владимир Викторович очень хорошо показал, что в концептуальной части слова, непознаваемой, но чувствуемой всеми как беспредельность и необъятность, работает дух. Мы лишились духа, потому что, сделав слова простыми, казалось бы, познанными, разложив их на всякие семантические множители, мы такой теорией убили слово.

**Архимандрит Трифон (Плотников) и Н. П. Саблина на заседании
Общества ревнителей церковнославянского языка (Архангельск)**

И вот в Обществе ревнителей зав. кафедрой, профессор Московского педагогического университета Игорь Георгиевич Добродомов возглавил работу теоретической группы по созданию терминов. Он, например, сейчас пишет о том, что точно понимать под церковнославянский языком, какой объем текстов, какие периоды его развития. А «первый звонок» его был такой. Он был консультантом по моей докторской работе. И как-то, приехав в очередной раз с Сахалина, я ему позвонила, сказала, что я всё, ухожу из светского образования, мне это все уже теперь неинтересно, у меня другое направление. А он: «А я вот все как-то не могу определиться». И в голосе у него такая тоска прозвучала! Я думаю: «Скоро, Игорь Георгиевич, я чувствую, Вы будете с нами».

Важно, что Общество ревнителей объединяет таких ученых, которые продолжают трудиться и в светских вузах. Раньше мы вынуждены были

уходить, теперь – возвращаемся. Все встало на место, все вернулось. Господь ведь все сторицей возвращает. Мы сначала выглядели нелепо, нас пытались обвинить в какой-то псевдоучености, считали, что мы даже как ученые какого-то непонятного сорта, что мы религиозные фанатики. А теперь у нас будет 28–30 сентября [2005 года. – *Прим. ред.*] на базе Свято-Тихоновского Гуманитарного университета проходить Первая международная конференция по церковнославянскому языку. И основная группа, которая там задает тон, – это как раз ревнители церковнославянского языка, это ведущие ученые страны, которые считаются с нашей позицией, которые понимают, что церковнославянский язык – живой, которые говорят о том, что нужно вернуть его в преподавание. Другое дело – что нам нужно очень много работать, в том числе и методически, чтоб сделать это бережно, ненасильственно, как Господь, Который не терпел насилия.

ВЕРНУТЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК В ПРЕПОДАВАНИЕ

Некоторые положительные результаты уже есть. Я преподаю в консерватории на отделении древнерусского певческого искусства, где студенты читают рукописи со знаменами, читают церковные гимнографические богослужебные тексты – для этого им необходимо знать язык, причем не просто его в современном состоянии (они его тоже учат, потому что они все, как правило, регенты или певчие петербургских хоров), но и в истории, поэтому мы разбираем рукописи и XII, и XIII века. Все то, что тринадцать лет было предметом моих особых занятий – работа с рукописными первоисточниками – все это теперь тоже пригодились, все это как-то заиграло, Господь ничего не дал утратить.

Много лет мы еще преподаем в Академии постдипломного педагогического образования (еще недавно она называлась Университетом педагогического мастерства), но там, к сожалению, программа несколько сворачивается. Я думаю, что это временное явление. В целом у нас там тоже готовы все программы для учителей, у нас уже многие учителя литературы и русского языка начинают вводить церковный язык как высокий слог – в элементах – при изучении своих предметов.

ПРАВОСЛАВНЫЙ НАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Надеемся, что в скором времени сбудется наше пожелание – создать в Петербурге Православный народный университет, подобный Свято-Тихоновскому университету. Этот вопрос давно назрел.

Мы должны помнить о молодежи. Я знаю лично некоторых молодых юношей и девушек, которым негде учиться. Они не могут идти в экуменические вузы, в гуманитарные христианские вузы, потому что они хотят учить живое православие. Они истинно верующие, исповедующие православие люди, и они молодые, они могут стать учеными, они могут выбрать научное служение Церкви делом своей жизни. Надо поднимать, восстанавливать то, что когда-то было в нашей Духовной Академии. В этом плане у меня есть еще один любимый святой, который опекает в том числе Сахалин – Николай Японский. Это святитель, просветитель Японии, создатель литургического языка Японской Церкви. Он знал много языков, примерно 15–17 языков было, когда он делал эти переводы – китайский, греческий – но первым он ставил церковнославянский и говорил, что это самый точный язык как сосуд для вмещения истины Божественного Слова, истин Святаго Духа. И он переводил на высокий слог японского языка. Каждый иероглиф он согласовывал с японской пастью. Например, он ввел в иероглиф Бога – некоего Абсолюта, безразличного к добру и злу – элемент личного Бога, теплого Бога, Которому мы можем сказать на Ты, обратиться на Ты. И он говорил: «Никогда не уступлю невежеству». Поднял высокую планку, чуть было выше уровня понимания среднего японца. Такой идеал хотелось бы сохранить в Народном университете.

Сейчас уже создана материальная база для этого начинания, формируются программы, преподавательский состав, утвержден состав факультетов. Подготовительная работа идет уже второй год, и мы очень надеемся, что сможем принять студентов и на экономический, и на исторический, и на филологический, и на музыкальный факультеты.

«МЫ ДОЛЖНЫ ВОЗРОЖДАТЬ РОССИЮ...»

Все-таки наше православное сообщество расширяется, но многие продолжают сидеть на двух стульях: с одной стороны, они служат в каких-то светских учреждениях, работают в светских вузах – они не могут там полностью раскрыться до конца. Даже в консерватории на отделении древнерусского певческого искусства мы, конечно, начинаем с молитвы свои лекции, мы заканчиваем молитвой, мы исповедаем православие, но, тем не менее, весь вуз – светский, и там есть свои законы. Все-таки есть некое стеснение для нас, а мы же должны возрождать Россию, чтобы все мы были единодушны и не стеснялись бы перекреститься на улице перед церковью, проходя мимо нее, не постеснялись бы ни в какой своей публичной речи, ни в какой своей деятельности не постеснялись бы говорить, что мы – христиане. Думается, что теперь уже наша христианская воцерковленная прослойка увеличивается и что формируются те люди, которые составят новую Россию, в возрождение которой мы свято верим.

